

The background of the cover is a romantic photograph of a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a dark green ribbed sweater. The woman, on the right, has long blonde hair and blue eyes, looking directly at the camera. Her hands are resting on the man's shoulders, and she is wearing rings on her fingers. The overall mood is intimate and romantic.

ДИАНА
СТАВРОГИНА

НЕПОГОДА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Диана Ставрогина

Непогода

<https://litres.ru/74597203>

Аннотация

Он сразу предупредил меня, что не умеет любить и наш брак будет основан только на уважении и удобстве. Я пообещала, что не влюблюсь. Но год спустя все изменилось, и я так больше не могу.

— Мне нужен развод. — Что? Какой на хрен развод? — Обычный, — я прокашливаюсь и, открыв глаза, предпочитаю для созерцания пол и ничего более. Мне страшно смотреть на Антона. — Я хочу подать на развод. — Да какого... — Он чертыхается. — Почему именно сейчас? Все нормально было. Какая шлея тебе под хвост ударила? — Это обдуманное решение. — Меня не было двое суток. Ты за сорок восемь часов приняла это обдуманное решение?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Пролог

— Мне нужен развод.

— Что? Какой на хрен развод?

— Обычный, — я прокашливаюсь и, открыв глаза, предпочитаю для созерцания пол и ничего более. Мне страшно смотреть на Антона. — Я хочу подать на развод.

— Да какого... — Он чертыхается. — Почему именно сейчас? Все нормально было. Какая шлея тебе под хвост ударила?

— Это обдуманное решение.

— Меня не было двое суток. Ты за сорок восемь часов приняла это обдуманное решение?

В тексте: развод, второй шанс, холодный герой

Глава 1

В спальне совсем темно. Шторы-блэкаут задернуты, ночник выключен — все не моими руками. Цейтнот всегда делал меня невнимательной к деталям, а паника лишала рассудительности. Неудивительно, что едва в дверном звонке за-

скрежетал ключ, сидевшая на диване я бросила плед и рванула к кровати, на ходу ударяя по выключателю в гостиной.

Пуховое одеяло служит надежным укрытием, ничуть не потеряв своей волшебной силы со времен моего детства, и плевать, что без включенного кондиционера прятаться под ним равноценно посещению сауны или визиту в пустыню. Лучше немного пропотеть, чем прямо сейчас посмотреть в самые прекрасные на свете серо-зеленые глаза с редкими голубыми крапинками.

Я просто не смогу.

Поэтому я притворяюсь спящей и пытаюсь отдышаться под тихие звуки, доносящиеся из прихожей: приглушенный хлопок закрывшейся двери, шорох задевшего стену чемодана, стук упавших на кафельный пол туфель, чертыхающийся шепотом голос, от которого по телу разбегаются мурашки. Спасибо новостройкам класса «эконом»: хорошо и прятаться, и ничего не упускать из виду.

Я слышу шаги, но не смыкаю глаз. Еще рано.

Через полуприкрытую дверь на кровать падает пятно света из гостиной.

— Вера? — зовет Антон растерянно, будто по возвращению из командировки всерьез ждал теплой встречи (смешно, он к ним совершенно равнодушен).

Не без труда сохраняя молчание, я неожиданно понимаю, что сама того не зная, вполне могла спалиться: что, если на улице он успел заметить горевший пару минут назад в окнах

свет? От накрывшего стыда ускоряется биение сердца, и то попрыгивает почти в горле.

Наверное, сейчас мои заполошные вдохи и выдохи прекрасно слышны во всей квартире.

— Уснула. — Звучит совсем рядом разочарованный голос Антона.

Я мигом закрываю глаза, успев заметить нависшую надо мной тень. Под плотно сжатые веки проникает свет: отойдя от дверного проема, Антон, явно стараясь не шуметь, перемещается по спальне.

Разъезжаются туда и обратно створки платяного шкафа, раздаются два щелчка выключателей — по отдаленности шагов и движению света под глазами я догадываюсь, что один из них — в гостиной, а второй в ванной, и минуту спустя спальня погружается во мрак. Из-за закрытой двери льется шум открытого на полную душа.

Я лежу в кровати, боясь пошевелиться и потеряв счет времени. Воздуха не хватает, но сил отбросить одеяло и вынырнуть навстречу прохладе и кислороду нет. Каждая клеточка моего парализованного страданием тела ноет, охваченная тоской, которую, казалось бы, не составило труда унять — живительный источник находился лишь в десятке шагов, но...

Иногда получить желаемое невозможно.

Гипнотизирующий шум падающей воды прекращается. В спальню возвращается Антон, и я малодушно радуюсь, что

лежу к его половине кровати спиной и точно не рискую, не выдержав, наконец воспользоваться предоставленной возможностью его увидеть.

Откинув одеяло, он забирается на постель. На грани слышимости начинает гудеть кондиционер и раздается щелчок блокировки телефона. Тяжело вздохнув, Антон ложится.

Ужасно хочется обернуться, выдать себя, сказать хотя бы несколько фраз. Мы не виделись целых три дня, обмениваясь лишь сухими сообщениями в мессенджере. Впрочем, переписка избавляла от многих проблем и дарила приятную свободу в проявлении чувств и эмоций.

С недавних пор я не могу смотреть Антону в глаза. Я не хочу, чтобы он все понял.

Еще два месяца назад все было хорошо. Наш молодой брак казался спокойным и крепким. Пусть небогатым на романтическую эйфорию, но надежным. А потом все изменилось.

Подушка подо мной постепенно мокнет, пока я неосознанно дышу с Антоном в такт и задавливаю стремящиеся выйти в мир всхлипы и чувства.

Наш брак больше не представляется мне хорошей идеей. И так не могу. Я хочу вернуть свою прежнюю жизнь и спокойствие.

Три недели — и эта нестерпимая, выкручивающая душу и тело боль прекратится.

У меня есть ровно три недели, чтобы сказать Антону

правду.

Но как?

Ведь в первую очередь этими словами я убью себя.

Глава 2

Я просыпаюсь первой. Тяжелая и горячая рука Антона лежит на моей талии, забравшись под пижамную майку и касаясь голой кожи. Кончики его пальцев в миллиметре от основания груди, и этого намека на ласку вполне достаточно для моего тела. С каждой новой секундой бодрствования я все отчетливее ощущаю, как внутри дрожащим хрусталем вибрируют тоска и желание, импульсами пробегая по нервным окончаниям и прицельно ударяя в мозг.

Подниматься с постели совершенно не хочется: слишком редка наша с Антоном близость. Он вовсе не кинестетик, а вот я, кажется, более чем.

Хуже всего, что любое его прикосновение делает меня уязвимой и слабой. Наслаждаясь и тая в минуту близости с мужем, я вместе с тем всегда чувствую себя растоптанной и униженной. Нуждающейся.

Ничтожной.

Наконец, усилиями воли и гордости мне удастся сдвинуться с места и выбраться из-под руки Антона и одеяла. Полученное благодаря пробуждению до звонка будильника временное преимущество почти истекло.

Часто моргая в попытке вернуть ясность зрения красным после вчерашней долгой работы за ноутбуком глазам, я плетусь в ванную и встаю под душ. В голове неохотно просы-

паются мысли и занимают положенные им места, на первый план выходят материалы для сегодняшних лекций и семинаров, что мне предстоит провести уже через пару часов.

В очередной раз за прожитые годы я радуюсь работе: преподавание и научная деятельность — два кита, на которых держится стабильность моего существования. Когда вокруг разлад, бесконечная необходимость поиска истины придает смысл даже самым тяжелым дням.

К тому же есть мои прекрасные студентки и студенты: светлые умы, не прекращающие удивлять меня как своими интеллектуальными достижениями, так и проявлениями своего внутреннего мира. Даже не достигнув еще тридцатилетия, я вижу разницу между нами, и та вселяет мне, все более пессимистично настроенной по поводу судьбы мира, надежду на свет.

Я знаю, совсем скоро работа станет моим главным спасением. По утрам, стоя под мощными водными струями, я учусь принятию. Жаль, что пробыть в душе, где мне спокойнее всего думается и чувствуется, полдня невозможно.

Замотав влажные после мытья волосы в полотенце и измазавшись кремами с головы до кончиков ног, я иду на кухню, не задерживаясь в спальне, как бы ни хотелось полюбоваться спящим Антоном. Занятие, к слову, не только несвоевременное, если требуется приехать в институт к первой паре, но и рискованное: он всегда просыпается под моим взглядом.

На кухне мне удастся отвлечься на сериал (с моими вечно

уставшими глазами читать за завтраком в последнее время едва ли возможно) и готовку. Пока на экране Кэрри Брэдшоу вещает о делах одной из своих подруг, а рядом капельная кофеварка издает довольно неприличные звуки, выплевывая из себя черный живительный эликсир, я жарю сырники.

— Доброе утро, — раздается у меня за спиной голос Антона, немного приглушенный и шероховатый со сна.

Слабо вздрогнув от неожиданности, я торопливо накрываю сковороду с шипящими в масле сырниками крышкой и оборачиваюсь к мужу с улыбкой на лице.

— Привет. Уже выспался?

Кажется, Антон еще даже не умывался: лицо помятое, волосы взъерошены; осоловело моргая, он трясет головой, отряхиваясь от сонливости, и пожимает плечами:

— Хрен его знает. Подскочил ни с того ни сего. Унюхал запах еды и пришел.

Я смеюсь и поспешно возвращаюсь к готовке, о которой почти забыла.

— Фух, — выдыхаю я с облегчением, убедившись, что ничего не подгорело, — едва не спалила сырники.

— Не лишай мужа завтрака, — шутит Антон и протяжно зевает. — Наверное, поем и пойду снова спать. Тебе помочь?

— Можешь разлить кофе. — Я достаю тарелки. — Уже все готово, сейчас положу.

Антон проходит мимо, едва задевая верх моего плеча рукавом собственной футболки. Я мигом покрываюсь мураш-

ками: этот случайный контакт приятен, но совершенно недостаточен. Мне ужасно хочется, чтобы Антон обнял меня со спины и поцеловал, но мы не идиллические персонажи из рекламы...

— Во сколько вернешься? — спрашивает он, когда мы садимся за стол.

— У меня две лекции и семинар. Думаю, к четырем буду дома. Над статьей я могу и здесь поработать. Спи спокойно, я не буду шуметь.

Антон улыбается и делает глоток кофе.

— Вряд ли я просплю так долго. Вернешься, поужинаем вместе. Нужно что-то купить, пока я выходной?

— Да нет, — я отрицательно качаю головой. — Буквально вчера была в ТЦ и все купила.

Даже не успев притронуться к сырникам, Антон встает из-за стола и подходит к холодильнику, порывисто и, кажется, немного зло, распахивает дверцы и молча осматривает полки. Я слышу его тяжелый вздох.

— И ты все это сама тащила? Зачем, Вер?

— Мне было по пути, — отвечаю я непринужденно, хотя прекрасно понимаю, чем именно недоволен Антон. — Да и не тяжело, я пешком-то шла минут пять всего, остальное время ехала.

Дверь холодильника ударяется о корпус явно сильнее, чем требуется.

— Все равно. — Антон возвращается за стол и смотрит на

меня тяжелым взглядом. — Нельзя было заказать доставку? Мы же договаривались, что ты не таскаешь кучу пакетов — для это есть курьеры или я.

— Не заводись, — прошу я спокойно. — Просто так получилось: доставку вчера пришлось бы долго ждать, а я уже была в магазине. Тем более ты должен был вернуться со дня на день, а еды нет. И мне не хотелось тебя напрягать в первый же день.

— Я бы пережил пустой холодильник. — От Антона все еще веет раздражением. — Не нужно было.

Царящая в кухне атмосфере давит угрозой намечающегося из-за сущего пустяка скандала, и мысленно я скрещиваю пальцы, надеюсь избежать идиотской ссоры в самом начале дня.

До брака ругань между супругами на почве бытовых вопросов оставалась для меня совершенно непонятной: разве два взрослых человека не могут заранее договориться о сферах ответственности и закрыть вопрос? Теперь было ясно, что ничего не убережет семью от бури, если внутри ее членов зреет потаенный конфликт.

Глава 3

К счастью, мы вновь предпочитаем, мысленно сгладив углы, не заметить царящего вокруг нас напряжения. Дальше завтрак проходит спокойно и по большей части под тихое бормотание телевизора. Я не очень внимательно смотрю сериал и незаинтересованно ковыряюсь в тарелке, пока Антон ест с аппетитом, периодически сонно моргая и зевая.

— Когда у тебя следующий рейс? — спрашиваю я сочувственно.

Никогда не думала, что у меня будет муж-пилот. До сих пор непривычно, что часть моей жизни сейчас плотно связана с авиацией, о которой я до не давних пор почти ничего не знала.

— Через два дня, — чуть заторможенно отвечает Антон.

— Понятно, — кивнув, про себя я снова с беспокойством думаю, что, стремясь скорее стать командиром, он чересчур много работает. Буквально на износ.

В авиакомпаниях между вторыми пилотами бешенная конкуренция, и, как и стоило ожидать, получить заветную должность трудно даже самым достойным из профессионалов. Непросто налетать нужное количество часов в разумные сроки. Непросто обратить внимание именно на свою кандидатуру, тем более без каких-либо связей в авиации, которых, насколько мне было известно, выросший в семье далеких

от неба и самолетов медиков Антон не имел. Поэтому работал он без продыху, пользуясь любой возможностью выйти в рейс.

К тому, что график его полетов легко может измениться, благодаря дополнительным сменам, я уже привыкла. Как и к ненормированным часам работы: даже в течение одной недели Антон иногда успевал отправиться в аэропорт то в двенадцать ночи, то в три утра, а то в шесть вечера.

Живя вместе, виделись мы не так уж и часто, особенно если экипаж после долгого полета оставался ночевать в гостинице другого города, дожидаясь обратного рейса. Год назад, начиная общаться с Антоном, я наивно сочла присущую его сфере деятельности занятость большим преимуществом: ничто не угрожало моему свободному времени, в разы меньше хлопот предвиделось в быту, да и для отношений, даже подобных нашим, недолгая разлука казалась полезным фактором.

Теперь... Теперь я безумно скучала. Мне не хватало общих вечеров и ночей, нормальных завтраков и совместных сборов на работу.

Я начинала понимать, почему Антон в первую же нашу встречу в кафе, куда мы пришли обсудить взаимные условия и пожелания, столь настойчиво делал акцент на своей работе, много раз подчеркнув, что его прошлые девушки вопреки всем заверениям и клятвам не выдерживали его графика и редких встреч.

— Кстати, — возобновляет он разговор, покончив с завтраком. — Ты подумала, куда мы поедem на праздники? Мне-таки обещают дать отпуск в январе.

— Я... — Интонация выдает мою растерянность, изобретать ложь приходится на скорую руку, и получается откровенно плохо: — Извини, если честно, я так завертелась на работе, что ничего еще не смотрела. — Последняя часть фразы правдива, но причина совсем не в преподавательской нагрузке. — Давай чуть позже решим, ладно? А то голова кругом. — Я поспешно встаю из-за стола, собираю посуду и несую к раковине, не глядя на Антона.

— Без проблем, — говорит он ровно, но отделаться от ощущения, что ему не по душе мой ответ, не получается. — Спасибо за завтрак.

Я киваю и наконец оборачиваюсь под звук проезжающих по кафельному полу ножек стула. Антон поднимается с места и заканчивает начатую мной уборку посуды.

Замерев, я едва дышу в ожидании его приближения. Мне стоило бы отодвинуться в сторону, освободить пространство перед посудомойкой, но желание напоследок почувствовать тепло его тела рядом со своим и втянуть поглубже его запах правит моими решениями наперекор разуму.

— Так, отойди чуток. — Ладонью Антон подталкивает меня левее: жест мимолетен и незначителен, но по коже все равно разбегаются мурашки, и я млею, как восьмиклассница на первом свидании. — Включить или еще подкопим?

Смысловое содержание озвученного вопроса доходит до моего мозга с таким явным опозданием, что от стыда и смущения загораются щеки.

— М-м, — выдаю я многозначительно. — Пусть еще постоит.

— Понял, — отвечает Антон, посматривая на меня с задумчивостью. — Все нормально?

— Да, конечно, — я улыбаюсь и как будто по инерции бросаю взгляд на настенные часы. — Блин, мне пора выходить.

Антон следом за мной проверяет время и лишь после согласно кивает.

— Окей, провожу тебя до порога и пойду спать.

Глава 4

Я еду в автобусе и смотрю в большое, покрытое длинными прозрачными каплями окно, за которым раскинулась серая, по-осеннему апатичная столица. На тротуарах под зонтами укрываются продрогшие и пропитавшиеся холодной сыростью пешеходы, на дороге нервно-сонным потоком движутся машины — и эта беспросветная атмосфера ноябрьского утра гипнотизирует, погружая сознание на особую глубину: там можно отыскать хотя бы чуточку тепла.

Воспоминания разворачиваются в моей голове осторожно, но вскоре не остается ничего, кроме ленты кадров из одного знакового дня. Случившегося год назад в по-летнему знойном мае.

Заняв столик в любимом кафе, удачно расположенном по линии пути к аэропорту, я с легким мандражем в крови ждала второго пилота Антона Романовича Вьюгина. Был вторник, но, свободная в этот день недели от работы в институте, я никуда не торопилась несмотря на приближающиеся защиты курсовых и выпускных работ, экзамены и целую уйму бюрократической волокиты по завершению учебного года. Мой будущий компаньон, как и предупреждал, опаздывал из-за задержки вылета, но в недавнем сообщении обещал явиться через десять минут.

Волнение щекотало нервы, но куда слабее, чем случилось

бы, определили мы эту встречу как свидание. Однако я и Антон единогласно условились на том, что начнем общение с деловой беседы за чашкой кофе: не хотелось усложнять то, что должно стать простым и эффективным решением нашей общей проблемы, завышенными ожиданиями.

— Привет, — прозвучало над моей головой, и я подняла взгляд от полупустого стакана с холодным лимонадом. — Прошу извинить за опоздание, у нас возникли технические проблемы перед вылетом.

Сказать по правде, я не предполагала, что появление незнакомца из приложения по поиску всякого рода отношений откликнется во мне так сразу и так ярко. С затаенной, однако типичной скукой, я ждала разочарования, что возникло после каждой попытки встретиться с кем-то из Сети, но вопреки традиции все пошло по иной, непривычной колее.

Молодой мужчина, возвышавшийся над выбранным мной столиком в полный рост, впечатлял. В темно-синего цвета форме пилота, придерживая рукой фуражку у груди, он совершенно спокойно встретил мой взгляд и вежливо улыбнулся, едва приподняв уголки губ.

Досадно, как очевидно и быстро я поняла, что мой светлый (в буквальном смысле) лик определенно его не покорила. Если у меня в голове совершенно неосознанно промелькнула мысль, что везение, кажется, решило расщедриться и подкинуть мне впервые за многие годы действительно привлекательного мужчину, то в его глазах я успела заметить усколь-

зающую тень былого предвкушения и интереса.

Похоже, что Антон, весь из себя красавчик-пилот, нафантазировал девушку-мечту, а теперь оказался вынужден мириться с суровой действительностью, то бишь симпатичной, но далеко не шикарной женщиной двадцати девяти лет отроду. Светлые длинные волосы, белесые ресницы и брови, сейчас подкрашенные, но не столь выразительно, как стоило бы, бледная кожа и стройная, но совсем не спортивная фигура, — вот, что он видел, и чем вряд лиможно поразить двадцатидевятилетнего мужчину, точно не лишенного внимания со стороны моих сестер по половому признаку.

Факт, что Антон Вьюгин популярен среди женщин, не ставился под сомнение: было достаточно окинуть его очередным взглядом с головы до ног. Впрочем, в переписке он и сам не скрывал, что с девушками как таковыми у него проблем не имелось никогда. К его легкой печали, из-за некоторых факторов даже дарованной ему природой прекрасной мордашки было недостаточно.

Я улыбаюсь плотно сомкнутыми, удерживающими незлой смехок губами: перед нашей встречей в кафе Антон мог переодеться в гражданку, но не стал, наверняка зная, как красит его форма пилота. Хотел произвести впечатление.

Что ж, ему это удалось. Мне, к сожалению, не очень.

— Привет, — ответила я после продлившейся в реальности около секунды паузы. — Рада познакомиться с тобой вживую. — Мой приветственный кивок по достоинству оце-

нили бы знатнейшие английские леди — столько в нем достоинства и вежливого интереса к собеседнику.

— И я рад, — сев за стол, он снова принялся довольно нагло и придирчиво меня рассматривать. — Вера.

— Антон, — вторила я той же манере и, не удержавшись от возмездия за свою уязвленную ранее гордость, заметила: — А ты и правда жуткий циник, не соврал.

— Не думаю, что мне стоило врать, — ответил он спокойно. — Какой смысл?

Мы опять скрестились взглядами, и я удивилась: ни одна предоставленная в его профиле фотография не передавала, какими ярко-ярко синими в действительности были его глаза. Я встречала такие лишь однажды, сидя в пару лет назад в очереди к врачу, у маленького мальчика. Невыносимого милахи, на которого невозможно было налюбоваться. Однако если детский дружелюбный взгляд хотелось сравнить с теплым морем или летним небом, взгляд Антона — с промерзшей до самого дна рекой.

Забавно,но мое замечание, похоже, его задело. Привык, наверное, к спешащим возразить его самокритике девушкам, но я не собиралась строить никаких иллюзий. Мы встретились благодаря правде и не очень-то лицеприятной.

— И то верно, — согласилась я.

Наконец, к нашему столику подошла официантка, прерывая начатый обмен любезностями.

Дорогие читательницы, не забывайте добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять ##

Глава 5

Несмотря на ранний час жизнь в стенах института уже активно и громко бурлит. Очень скоро меня полностью захватывает работа, и об Антоне и наших с ним, а на самом деле: моих с ним — проблемах думать некогда. Стоя за любимой кафедрой, я читаю третьекурсникам лекцию о гуманистических идеалах в творчестве Достоевского и с радостью встречаю вереницу вопросов в перерыве перед семинаром — мне не хочется возвращаться к мыслям о своей личной жизни; благодаря пытливости некоторых студентов мой уставший от тревог мозг получает хорошую передышку.

Пять часов занятий пролетают неожиданно быстро, и, перекинувшись с коллегами парой слов, я неспешно собираюсь домой. На улице до ужаса холодно и сыро, идет слабый, но, кажется, ледяной дождь, и ступать по неровно уложенной (все же ни в одном районе столицы нет такого количества шансов споткнуться, как в центре), скользкой плитке приходится осторожно.

По дороге домой я, набравшись смелости и сил, вдумчиво листаю сайт объявлений в поиске нового жилья, пока набитый пассажирами автобус плетется от остановки к остановке в вечерних пробках. Откладывать дальше попросту нельзя — мне нужно иметь свой угол, когда давно заготовленные в голове слова прозвучат вслух. Остаться после просьбы о

разводе в одной квартире с Антоном — к тому же в его собственной квартире, — будет уже слишком.

Мне до сих пор не верится, что впереди действительно случатся расставание и переезд. Прожив больше десятка лет в одиночку, я до странного легко привыкла к совместному быту с Антоном и теперь боюсь, что не смогу вернуться к прошлому укладу. Но я должна.

Вскоре мое намерение определиться с будущей квартирой и, быть может, договориться о просмотре на завтра, иссекает, вкладки с сайтами закрываются без особого сожаления, а я прислоняюсь головой к оконному стеклу и прикрываю глаза.

Позже. У меня есть еще несколько дней.

Стараясь не шуметь на случай, если Антон еще не проснулся, я открываю дверь своим ключом и почти бесшумно захожу внутрь, однако зря: в ванной журчит вода, из гостиной в прихожую падает свет и доносится бормотание телевизора. В этом доме только один человек оставляет всю электронику работать, пока сам торчит в душе не меньше получаса; я для подобного слишком тревожна.

Через пару минут, за которые я успеваю лишь разуться и снять с себя покрытое холодными каплями дождя пальто, из ванной комнаты выходит Антон. Шерстяная ткань в моих руках тяжелеет с каждой секундой, но сдвинуться с места и шагнуть к настенной вешалке удастся не сразу.

— Привет. — На Антоне только намотанное вокруг бедер черного цвета полотенце, и я откровенно засматриваюсь, как ни разу не выдавшая красивого мужского тела невинная девица.

Мой муж всерьез следит за собой: за фигурой, внешностью и здоровьем. Отчасти, благодаря профессии; отчасти потому, что хорошо знает цену себе и своей врожденной привлекательности. Будь он хоть чуточку самовлюбленным, не восхищаться им оказалось бы проще, но нет: его самооценка вполне здрава и адекватна.

В Антоне нет ни ложной скромности, ни нарциссизма. Он просто-напросто красив.

Совсем недавно мне чудилось, что я промерзла до костей, однако теперь в теле просыпается знакомый болезненный жар, от которого ноют мышцы и под кожей нервными иголками покалывает неутолимая тяга, — достаточно взгляда, чтобы желание физического контакта с одним единственным человеком опять нарушило мой хрупкий и нестабильный душевный покой.

— Вера, — замечает Антон удивленно, увидев меня у дверей, а после коротко улыбается. — Привет. Ты только пришла?

Я киваю.

— Устала?

— Да нет. — Я отвожу взгляд, словно по-настоящему боюсь, что Антону станет известно, чем я была занята в авто-

бусе полчаса назад. — Пары сегодня прошли очень продуктивно, я довольна. — К счастью, здесь нет ни капли вранья.

Занятия удались, и как преподавательница я чувствую удовлетворение от проделанной работы, что случается далеко не всегда: результат приложенных мной усилий зачастую проявляется лишь со временем, а бывает, что не проявляется вовсе. Хуже всего — говорить перед аудиторией, не желающей тебя слушать. Сказанные слова пропадают, как в черной дыре, и ты черпаешь все больше и больше своих ресурсов, но ничего не получаешь в ответ, и остается лишь сосущая пустота.

Не знаю, как некоторым преподавателям удастся большую часть своего рабочего времени тратить силы в никуда изо дня в день. Мне хватило нескольких раз, чтобы еще в первые годы карьеры отказаться от дополнительной нагрузки вне стен родной альма-матер, потому что безразличие студентов обходилось мне слишком дорого. После занятий я тревожно задумывалась, те ли путь и призвание избрала, и чувствовала расплывающееся в груди бессилие.

Наш с Антоном брак по природе своей чем-то напоминает этот эпизод из прошлого. Мои внутренние силы снова вычерпаны почти до дна, и я знаю, что во имя самосохранения пора разорвать сковавшую нас цепь.

— Супер, — Антон кивает и вольготно потягивается, а я безвольно скольжу взглядом по отчетливо проступившим на животе мышцам. — Перекусим или ты сначала в душ?

— М-м, что? — До отвлекшейся на эстетические радости замужней женщины меня не сразу доходит прозвучавший вопрос. — А, душ. Да, пожалуй, первом делом я ванную, если ты не очень голоден.

— Нет, я тебя дождусь, — заверяет он, отступая от дверей ванной комнаты.

— Если хочешь, то ешь, — я продолжаю тараторить, хотя прекрасно осознаю, насколько жалки и нелепы мои слова: ну просто речь бедной родственницы, не иначе. — Не стоит...

— Вера! — обрубает Антон с раздражением, и я осекаюсь. — Что за приступ самоуничтожения? Или ты думаешь, я за двадцать минут умру с голода?

В ответ мне остается только пожать плечами. Ничего не могу с собой поделать последние месяцы — и чем больше времени проходит, тем плачевнее мое состояние.

— Что вообще с тобой происходит? — интересуется Антон, явно не удовлетворившись молчанием. — Ты странно себя ведешь, не считаешь?

Ого, неужели он, наконец, сподобился заметить?

Во мне зарождается злость. Довольно иррациональная и почти беспричинная, ведь я намеренно старалась вести себя, как обычно, и по возможности ничем не выдавала собственных чувств и переживаний, надеясь сохранить их вдали от внимания Антона. Тогда отчего мне сейчас так обидно?

— Все хорошо, — говорю я вслух и на ходу стягиваю через голову свитер.

Действие совершенно точно намеренное и провоцирующее, правда с неясной целью: то ли продемонстрировать Антону равнодушие, то ли прежде всего подразнить его и соблазнить? В моей душе уже на протяжении многих месяцев кружит тихая буря чувств и эмоций и требует выхода, но я могу позволить себе единичные порывы и не более того.

— Как скажешь. — Голос Антона звучит ровно. — Мойся и приходи на кухню.

Не оборачиваясь, я киваю и расстегиваю бюстгальтер, после чего наконец закрываюсь в ванной.

Внутри еще стоит пар после водных процедур Антона, но уже стылый и неприятный. Я ежусь. Мне снова холодно. Впрочем, мерзну я теперь часто, и единственное спасение — горячий душ.

Под обжигающими струями воды тело расслабляется и согревается. Я больше не чувствую себя нафаршированной, словно тушка курицы овощами, колотым льдом. Пусть ненадолго, но наступает покой, ненастойчиво прерываемый недавними воспоминаниями об Антоне.

Я тяжело вздыхаю, когда внизу живота и между ног возвращается утихнувшее на несколько минут томление, и выхожу из душа. Смотрюсь в наполовину запотевшее зеркало на свое обнаженное отражение и привычно гадаю, нравлюсь ли я Антону как женщина? Или ему нравится регулярный секс в моем лице?

Он никогда не терял от меня головы, вот что я знаю навер-

няка. А мне хотелось бы хоть раз стать причиной его безумия, вывести Антона на совершенно несвойственные ему эмоции, сбить с толку, поставить на колени...

Да, вот до чего я дошла. Самой от себя тошно.

«Не рассчитывай на фейерверки чувств в моем исполнении и прочую лабуду, — говорил мне Антон больше года назад. — Мне это несвойственно в принципе, поэтому давай без иллюзий. Если тебе нужны телячьи нежности и сумасшедшие страсти, то нам не по пути. Определись с этим сразу».

Тогда мне казалось, мы с ним похожи: здравомыслящие, ответственные, рациональные. Идеальная пара.

Откуда мне было знать, что я вопреки обещаниям стану другой?

Глава 6

Если бы почти двенадцать месяцев назад я могла знать, чем обернется со всех сторон казавшееся верным и хорошо обдуманное решение, то ни никогда бы его не приняла. Но я не знала. И ответом на вопрос свадебного регистратора стало мое уверенное и спокойное: «Согласна».

Тогда любовь была для меня неведанным феноменом, существующим где-то в параллельной действительности. Красивой мечтой с горьким, как полынь, привкусом несбыточного. Не имевшим финала ожиданием, прозаичной длиной в жизнь.

Когда в позапрошлом январе мне исполнилось двадцать девять, я попросту сдалась под гнетом давней усталости от одиночества, достигшей вдруг критической отметки. Чаша смирения с собственной участью переполнилась, в то время как чаша надежд окончательно опустела. Пришла пора честно признать бесперспективность еще трепыхающегося во мне ожидания «А вдруг...» Со всей отчетливостью я понимала, что любовь прошла, прямо как в одной песне, стороной, ни разу меня не коснувшись.

Потому, здраво взглянув правде в глаза, я начала поиски рационального, практико-ориентированного решения вставшей ребром проблемы, заодно выбросив из уравнения, как незначительные, переменные вроде чувств, искры притяже-

ния и прочих, неиспытанных мною клише из любовных романов. Раз уж пресловутые «бабочки в животе» не удосужились поселиться в моем желудке до сих пор, надеяться на чудо в дальнейшем было попросту глупо.

Я хотела семью. Я хотела ребенка. Я устала от ежевечерних возвращений в тишину квартиры, стоимость съема которой забирала половину моей зарплаты.

В конце концов я боялась. Того, что скоро мои довольно многочисленные, но затерявшиеся в работе и семьях друзья уже не утолят моего социального голода. Что однажды я не найду, кому позвонить в трудную минуту.

Знание, по правде говоря, железобетонное, что мои друзья никогда в самом деле не бросят меня в беде, ничуть не помогало. В беде — да, но что насчет всех остальных дней моей довольно пресной жизни?

Я возвращалась с работы, где за день успевала в перерывах поучаствовать в одном-двух диалогах с коллегами-приятельницами, и оказывалась в безлюдном вакууме. Порой, мне до невыносимого отчаяния хотелось другого.

Объятий. Поцелуев. Разговора. Компании за просмотром сериала. Одного небритого и взъерошенного источника тепла в постели и шорохов на кухне с утра.

Наверное, тогда я бы и детские крики сочла за приятное разнообразие в программе жизни человека без семьи и близких родственников.

Ничего этого не было. За исключением нескольких ко-

ротких, не отозвавшихся в сердце романов (впрочем, слишком сильное слово для нерегулярных встреч в течение пары-тройки месяцев), я почти не знала ни физической близости (необязательно сексуального характера), ни постоянного присутствия другого человека на собственной территории.

Временами мне начинало казаться, что я умираю от дефицита прикосновений. Если общения мне хватало, несмотря на всю занятость — и мою, и подруг, — хвала мессенджерам, то с физическим контактом все было откровенно плохо, но...

Я долго не замечала этого недостатка. Все-таки в годы школы и университета я, пусть и на несколько секунд, пять в раз неделю обнималась с подружками и друзьями, контактировала с парнями и даже с некоторыми встречалась, а потом... Потом началась взрослая жизнь, в которой внезапно я могла месяцами не чувствовать на своем теле прикосновений и не прикасаться сама (конечно, если не считать за физический контакт час-пиковую давку в метро).

Собственно, поэтому в двадцать девять лет мне в голову не пришло идеи лучше, чем найти себе мужа, не ожидая романтических чувств ни с его, ни со своей стороны. Этаким брак по расчету варианта эконом. Вместо формулы «деньги к деньгам» будет «одинокчество к одиночеству».

Историями о подобных союзах на самом деле никого не удивишь. Я сама знала как минимум две пары, заключивших брак на основе общих интересов, целей и желаний. Их примеры и вдохновили меня на попытку действием преодолеть

свою навечно бесперспективную проблему.

Они были счастливы. По их словам, они теперь любили друг друга, но... Я всегда думала, что однажды найду своего человека, а чужого в любом случае не сумею впустить в свою жизнь, ибо непосильная это задача для интроверта, особенно с моим характером.

Да и не чувствовала я ужасов одиночества до поры. Напротив, мне нравилось жить одной. Может быть, потому что я еще не верила, что иных опций мне мироздание не предоставит, обрекая на вечное уединение.

Страшное, однако, слово. Вечность. Пугающее до ужаса.

Стоит ему прозвучать, как что-то изнутри сдавливает грудь, мешая полноценно дышать, и человек мигом загорается отчаянным желанием убедиться: перемены возможны и собственная участь не обречена на статику.

Никак иначе объяснить череду своих решений почти годичной давности я не могу. С трудом верится, что во мне нашлось достаточно упорства на преодоление своей же интровертной натуры: я не очень-то жаловала запланированные знакомства и отношения.

Обычно в общении любое планирование и принуждение меня угнетало. Оттого я никогда не понимала кайфа в бесконечных свиданиях с разными парнями ради развлечения и в студенческие годы посматривала на своих одноклассниц с недоумением: не жаль им своего времени и сил? Потому же я не любила чересчур людных вечеринок, где приходилось

болтать со всеми подряд, и в целом старательно избегала любых энергозатратных мероприятий.

Наверное, окажись я более социально активной, моя личная жизнь сложилась бы удачнее. Не было бы сейчас нужды, стоя перед зеркалом, беззвучно плакать от тоскливой боли в области сердца, постепенно заполняющей каждую клеточку тела.

Лучше бы я ничего не меняла. Не любить, по крайней мере, было совсем не больно.

Пара минут глубоких и размеренных вдохов и выдохов и долгое умывание холодной водой превращают заплаканное нечто из зеркального отражения в пышущую румянцем женщину, и я облегченно, пусть еще и немного надрывно, вздыхаю: повезло, что рыдать от души — до опухших глаз, носа и губ, — я давно не умею. Мой максимум — беззвучные слезы, да и то хватает меня обычно не больше, чем на четверть часа. Впрочем, за последние месяцы ситуация точно изменилась к худшему, и моя нервная система без особых затруднений откатилась до настроек этак двадцатипятилетней давности. Истерики, пусть пока и молчаливые, мне уже не чужды.

Еще с минуту простояв в прострации перед зеркалом, я наконец выхожу из ванной, оставшись замотанной в белое пушистое полотенце. Уже в гостиной слышно, как чем-то гремит на кухне Антон и гудит микроволновая печь. На экране телевизора сменяют друг друга пейзажные кадры «Дюнкерка» Кристофера Нолана, из саунд-бара льется зна-

комая тревожно-грозная музыка, и, увлеченная любимым фильмом, я замороженно замираю.

Однако желание насладиться шедевральным, на мой взгляд, кинематографическим гимном гуманизму все же слабее желания скорее попасть в общество Антона. Поправив начинающее сползать с груди полотенце, я все-таки отрываюсь от экрана и ступаю с короткошерстного ковра на гладкий паркет.

За спиной остается дверь спальни, куда мне стоило бы зайти и сменить свой махровый наряд на настоящую одежду. Естественнo, мое решение продиктовано не тайной любовью к нестандартным образам. К тому же дома очень даже прохладно, и разумная я предпочла бы уютный и теплый домашний костюм, но я влюбленная и потерявшая голову выбираю продефилировать перед мужем в полуголом виде, словно за прошедший год он не посмотрелся на мое ничуть не модельное тело. Впрочем, сомнений в том, что Антон захочет секса, почти нет: с его либидо несколько командировочных дней — целая вечность.

Может, я и была не столь темпераментна до нашей с ним встречи (а скорее отказывала одной потребности в пользу другой), однако теперь страсти во мне столько, что страшно. Я боюсь, что, замешанная на любви, она в конце концов испепелит мою слабую оболочку, когда Антона уже не будет рядом.

Не то чтобы сейчас меня не жгло беспощадным пламенем

до самого сердца. Ситуация в любом случае проигрышная.

Оказавшись на кухне, я уже едва ощутимо подрагиваю от холода, словно и не стояла с десятков минут под горячим душем, и корю себя за никому не нужный выпендрей до тех пор, пока к столу с двумя тарелками в руках не оборачивается Антон. Меня он замечает сразу:

— Ты прямо вовремя. Закончила?

— Да, — кивнув, я делаю несколько шагов вперед под довольно заинтересованным взглядом, кожей чувствуя, как Антон рассматривает меня с головы до ног.

На стул я усаживаюсь медленно, заодно позволяя краю полотенца подняться выше и откровеннее оголить бедро. Соблазнительница из меня неважная, но и небезнадежная. От раздавшегося рядом короткого тяжелого вдоха по телу ласково рассыпаются мурашки и чуть-чуть подскакивает пульс. Мне снова тепло, и томительно, и волнительно-хорошо.

— Я разогрел ужин, — говорит Антон, кашлянув. — Хочешь, вино откроем?

— Давай. — Мне и, правда, не помешает порция алкоголя и последующая за ней расслабленность. Я слишком зажата и напряжена.

— Супер. — Антон ставит на стол наши тарелки с приготовленным мной вчерашним вечером ризотто и возвращается к гарнитуру за вином и штопором. — Белое?

— Угу. — Мое внимание сейчас целиком и полностью захвачено мужем.

Он, в отличие от одной неразумной дурочки, променял полотенце на спортивные брюки и свободную майку, но едва ли стал выглядеть менее привлекательно. Напротив, у меня глаза разбегаются, не зная, чем наслаждаться в первую очередь: широкой линией плеч, рельефом рук или упругими, на зависть Крису Эвансу, ягодицами.

Жаль, что любоваться собственным мужем я могу только со спины. Мне безумно хочется рассмотреть каждую черточку его лица, изучить радужку голубых глаз до мельчайших крапинок, запомнить контур длинного с чуть выраженной горбинкой носа и тонких, любимых губ, но... Антон никогда не понял бы подобной сентиментальщины.

И от досады и сожаления мгновенно хочется плакать. Потому что у меня не останется ничего. Даже достаточно надежных и полных многочисленными деталями воспоминаний.

Ничего.

Если подумать, то, может быть, это и хорошо. Я ведь еще мечтаю исцелиться. Вернуться однажды к прежней, безболезненной, пусть и пресной, жизни, в которой вновь обрету себя от и до.

Столь необходимое мне сейчас вино поспевает вовремя. Спрятав от Антона глаза, я принимаю бокал из его рук и, едва муж отступает к противоположному краю стола, делаю огромный глоток. Пустой желудок обдаёт жидкой прохладой, а меня капельку отпускает напряжение.

— Оу, — удивляется Антон, и я поднимаю на него непонимающий взгляд. — Все-таки был плохой день на работе? Я усмехаюсь.

— Вроде того. Устала, вот и все. — Я пожимаю плечами и запиваю подступившую к горлу горечь вторым глотком вина.

Конечно, других причин для переживаний у меня не бывает. Как же.

Просто Антон свято уверен в моей «ботаничности», которую сам и придумал с первого дня нашего знакомства. Записал меня в скучных и правильных и неподдельно удивился моему несовпадению с шаблоном, когда дело дошло до совместной жизни, однако так и не сподобился узнать меня по настоящему.

А скорее не имел желания узнать. Зачем ему подобная морочка? Он хотел простых отношений без заморочек и трудностей.

— Ляжешь пораньше? — интересуется Антон, и в тоне его голоса другой, завуалированный вопрос звучит совершенно четко и неприкрыто.

— Выдохни, — смеюсь я, поглядывая на него со значением. — Я не настолько устала. Будет тебе секс. Не ты один был на сухом пайке.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, женушка. — Антон, кажется, чуточку пристыжен, но все равно довольно улыбается. И я тяну губы в ответной улыбке, хотя веселье мое — горькое.

Кто бы мне раньше сказал, что в одну и ту же единицу времени можно быть безмерно счастливой и до отчаяния несчастной.

Глава 7

Мы ужинаем под стук столовых приборов и звон бокалов, лишь изредка обмениваясь ничего незначащими репликами.

— Еще вина? — спрашивает Антон, не поднимая глаз от телефона.

Удивительно, но мой молчаливый кивок не остается незамеченным и бокал мгновение спустя вновь полон. Я уже изрядно во хмелю, а порция ризотто в тарелке едва ли уменьшалась хотя бы на четверть. Сознание приятно плывет, однако разум как всегда при мне.

Жаль. Быть может, потеряй я разок голову от вина, то сумела бы поведать мужу о собственных чувствах. Иначе как безрассудной мне подобного не сотворить. Будучи в здравом уме и твердой памяти я прекрасно знаю, к каким результатам приведет эмоциональная тирада: к унизительно-отрицательным.

— Ты выпался? — Предпринимаю я очередную попытку поддержать разговор и заодно отвлечься от начавшегося в голове шабаша пьяных мыслей.

По крайней мере мой вопрос заставляет Антона отложить телефон в сторону и посмотреть вперед. Я отчетливо вижу, как его взгляд спускается ниже, наверняка застывая на ложбинке моей груди, и наполняется предвкушением.

— Вполне, — отвечает он.

Интерес, стопроцентно сексуальный и на самом деле довольно периодический — мой муж не смотрит на меня так ежедневно, — одновременно приятен и печален. Мне хотелось бы чувствовать свою привлекательность всегда, а не в обоснованных физиологией эпизодах.

Они лишь доказательство равнодушия Антона. А сама я для него — чуть больше, чем безликая женщина.

— Хорошо, — произношу я, совершенно не задумываясь над смыслом сказанного, и растерянно замолкаю.

Мне о многом хочется поговорить с Антоном, но, боюсь, мои вопросы покажутся ему надоедливymi и бесцеремонными. Беседы по душам в нашем браке не предполагаются.

К счастью, спасая нас от неуютной тишины, Антон продолжает диалог:

— Ты вчера рано уснула. Я даже не ожидал. Вернулся, а ты уже храпишь.

— Эй! — я наигранно возмущаюсь и в протестующем жесте дергаю рукой, чудом умудрившись не выплеснуть себе на грудь вино. — Я не храплю!

Правый уголок губ Антона приподнимается, синие глаза искрятся лукавым весельем. Он сейчас завораживающе красив. Мое несчастное, влюбленное сердце делает кульбит, оступает и, сорвавшись в пропасть, замирает в невесомости восторга.

— Думаю, — замечает он, поднимаясь из-за стола с пустой тарелкой, — в этом вопросе мое мнение более компе-

тентно.

— Ты летчик, — я намеренно ошибаюсь в термине, — а не сомнолог.

Спокойно оставив посуду в раковине, Антон оборачивается и одаривает меня насмешливым взглядом:

— Слабо, — цокает он языком. — Ты в жизни не спутаешь летчика и пилота, Вер.

Я пожимаю плечами, искренне наслаждаясь теплотой этой пикировки.

— Кофе?

— Нет, спасибо. Лучше еще вина.

— Уверена? — Антон явно сомневается, но все-таки подходит к столу и берет бутылку.

— Спасибо.

— Ты ничего не съела.

Прозвучавшее замечание возвращает мои мысли к почти полной тарелке, и я тяжело вздыхаю. Аппетита нет совсем.

— Не хочется, — признаюсь я честно. — Потом.

— Ну как знаешь.

— Ага. — Сделав новый глоток, я выхожу из-за стола и подхватываю тарелку. От резкого подъема кружится голова, и тело ведет на первом же шаге. — Ой!

Стоявший поблизости Антон успевает меня поймать.

— Пьянчужка, — смеется он и перенимает из моих рук тарелку, чтобы оставить ту на кухонной тумбе. — Ты зачем так набралась?

— Не знаю, — уклоняюсь я от прямого ответа и спиной сильнее прислоняюсь к мужу.

Прикосновение покоящихся на моей талии ладоней ощутимы даже сквозь махровую ткань. В ушах нарастает гул, внутри что-то привычно сжимается в предвкушении. Обонянием с каждым вдохом отчетливее улавливается аромат знакомого, дурманящего ум мужского парфюма, пульс учащается, а во рту сохнет.

Уловив мое состояние или попросту подчиняясь собственным желаниям, Антон прижимает меня крепче, и я тут же лгну к нему и откровенно потираюсь ягодицами об уже напряженный член.

— Соскучилась? — шепчет Антон сипло, и я отрывисто киваю, вкладывая в этот акт согласия куда больше смыслов, чем заявлено в вопросе.

От контакта наших тел меня уже всюю бьет мелкой дрожью, под ставшей до предела чувствительной кожей горячая кровь жжет вены и опалает мое измученное сердце.

Если бы Антон только знал, как много я стараюсь взять и отдать во время секса. Если бы он только мог утолить мой эмоциональный голод, от которого я, наверное, рискую однажды сойти с ума, но...

Беда заключается в том, что мой муж не имеет того, что требуется моим сердцу и душе. Как богачу нечего взять у нищего, так и мне нечего взять у Антона, но я хотя бы могу поделиться с ним тем, что переполняет меня саму до краев,

разрывая на части.

Повернув голову, я тянусь к его губам и целую. Чуть неловко и рвано, жадно и неприкрыто страстно. Благодаря вину сегодня можно быть честнее обычного, и я пользуюсь предоставившейся возможностью с радостью.

Хватка Антона на моем теле становится жестче, дыхание — тяжелее и чаще, и его возбуждение, как и всегда, безмерно заводит и пьянит. Его левая рука поднимается выше и сжимает грудь, правая, спустившись, забирается под край полотенца и скользит между бедер, прежде чем ребром врезаться в центр. Невольно прервав поцелуй, я задушено хватаю ртом воздух.

— Весь ужин думал, — пользуется паузой Антон, — как ты сидишь передо мной без белья. — Его пальцы теперь распределяют смазку по половым губам, избегая проникновения и контакта с клитором.

У меня же вырывается тихий всхлип и подгибаются ноги.

— Ты только сейчас намокла или еще за столом?

Я не отвечаю. Алкоголь в полную мощь ударил в голову, и слова ко мне не приходят. К тому же мастер по пошлым разговорчикам на этой кухне уже имеется.

Выгнув спину, я опять тянусь к Антону за поцелуем, но он решает иначе и быстро разворачивает меня к себе лицом. Узел на полотенце развязывается вместе с движением, и через секунду я остаюсь обнаженной.

Антон довольно улыбается и снимает майку. Следом на

пол улетают брюки. Теперь мы вдвоем полностью обнажены. Я сокращаю образовавшуюся недавно дистанцию и потираюсь о мужа грудью, смотря ему прямо в глаза и внимательно наблюдая за тем, как любимый синий взгляд темнеет и теряет фокус и как еще больше тяжелеет и учащается дыхание.

Подняв руку, пальцами Антон зарывается в моих еще влажных волосах и оттягивает голову вниз, освобождая шею, куда после прижимается губами и где до легкой щиплющей боли втягивает в рот тонкую кожу, упоенно оставляя подряд несколько красных пятнышек.

У меня закатываются глаза. Я тихо стону и тянусь к покачивающемуся у бедра члену, обхватываю его ладонью и чувствую пульсацию, словно отдающуюся внизу моего живота.

Мысли исчезают. Гаснут звуки. И на второй план отходит все вокруг. Остается только Антон.

Его губы. Жар тела. Прикосновения его рук и пальцев. Жадные, долгие поцелуи. Не знающие стыда ласки. Сначала мучительно-неспешный, томный темп толчков, а затем — почти бешенный, выбивающий из меня громкие стоны.

Оргазм опустошает, забирая все.

В эти секунды я не думаю. Совсем ни о чем.

В эти секунды ко мне еще не пришла мысль, что это, наверное, был наш с Антоном последний секс.

Прощальный.

Глава 8

На следующий день Антон отправляется в новый рейс, а я остаюсь дома. Деться мне сегодня некуда: нет ни лекций, ни семинаров.

С самого утра, проводив мужа до двери и затем с трудом проглотив пару печений на пару с горьким кофе, я сижу в гостиной и пялюсь в раскрытый ноутбук. Бесцельно пролистываю файлы статей, отобранных ранее в качестве основы для моего следующего исследования, по несколько раз в минуту проверяю корпоративную почту в надежде на внезапный поток вопросов от студентов, но писем ожидаемо нет: середина недели, первая половина дня — в такую рань студенты пишут преподавателям крайне редко.

За окном идет снег с дождем. Беспросветная серость давит, нагоняя уныние и растравливая и без того властвующую надо мной тоску. Экран ноутбука постепенно гаснет и размывается перед глазами.

Мысленно я уже не здесь. Мне вспоминается, как на второй встрече все в том же кафе мы с Антоном обсуждали родственников.

— Слушай, — сказал он мне. — У тебя родители где живут? Наверное, я должен буду с ними познакомиться? — Выражение его лица и напряженность позы очень ясно сообща-

ли, как сильно он не хочет никаких знакомств семьями.

Что ж, в таком случае одной проблемой становится меньше.

— У меня только брат и бабушка, — не стала я тянуть с ответом, — но они оба далеко. Бабушка конечно не поедет в Москву, а брат... Он... такой, специфичный человек.

Антон нахмурился.

— В каком смысле — «специфичный»?

Я пожала плечами, уже жалея о собственной откровенности, и попыталась объяснить точнее:

— Просто не слишком часто обо мне вспоминает. Вряд ли вы встретитесь. Вот я к чему. Забей.

Мне не хотелось говорить, что правда несколько в другом: я просто не была уверена, что в случае беды мой брат прыгнет выше головы ради помощи мне. Не что чтобы я желала такой жертвы — нет, но знать, что родной брат и пальцем о палец не ударит, если то будет стоить усилий, — больно в любом случае. Как и знать, что он сам не пожелает знакомиться с моим мужем.

— Понял, — Антон кивнул, корректно обойдясь без дальнейших расспросов.

— А что насчет тебя? — поинтересовалась я, с трудом устояв перед совершенно антинаучным порывом скрестить пальцы: очень уж не хотелось занять вместе с мужем злобную свекровь.

— Только родители, но мы тоже нечасто видимся. Как я

уже говорил, сантименты — не мое.

Теперь я могу с полной уверенностью сказать, что Антон тогда ничуть не лгал.

Он действительно сухарь. Холодный, рациональный и бесчувственный. Не поддающийся эмоциям и стрессам айсберг.

Мне сложно сказать, как сильно на его характер и темперамент повлияла работа, но, кажется, проблема лежит намного глубже. Профессия пилота с ее необходимостью реагировать на любые проблемы и потрясения, не теряя ясности ума, лишь добавила Антону сдержанности.

С его родителями я не знакома до сих пор, но в обрывках их редких телефонных разговоров теплой душевности и доверительности не чувствуется совсем. Быть может, мой муж несет свою эмоциональную холодность из семьи, не знаю.

В любом случае через безразличие Антона мне не пробиться. Я пробовала. А превращаться в истеричку, пытаюсь вывести его из себя... Нет уж, до подобного отчаяния в бессилии я не докачусь.

По этой же причине мне нельзя говорить Антону правду о своих чувствах. Потому что он не поймет, чем я недовольна, а выдержать его вежливую полуулыбку и спокойный вопрос: «Ну и что, что любишь? Разве это не бонус?», я не смогу.

Нельзя объяснить тому, у кого ни разу даже не кольнуло в сердце, как невыносимо оно умеет болеть: до мучительно-го тумана забытья, где не остается ничего, кроме муки, где

теряешь себя, свою волю и стабильность из-за другого человека, вопреки всем доводам рассудка. Такое нельзя понять посредством слов — только пережить.

Нет, Антон не поймет.

А я определенно не героиня из русской классики. Я не могу смириться и жить так, как еще живу сейчас, и остаться с тем, кому на меня наплевать.

И я не хочу всю жизнь украдкой смотреть на Антона в ожидании, молчаливо вопрошая: а вдруг? Вдруг именно сегодня в нем что-то изменится и в глазах отразится... большее.

Нет, и еще раз — нет. Я прожила в этом состоянии последние месяцы и могу уверенно сказать одно: нет ничего губительнее бесплодных надежд. Изо дня в день разочарование подтачивает силы, испивает тебя до дна, до последний капельки высасывая тягу к жизни и способность радоваться, и оставляет после невосполнимую пустоту. В этом нет ничего хорошего.

Моя любовь сравнима с ломкой наркозависимого и лечится теми же методами. Вот, что мне следует помнить.

И я твержу себе об этом на протяжении двух дней, в течение которых Антон находится на работе. Я ищу квартиру по пути в институт и в перерывах между парами и в конце концов умудряюсь подписать договор найма за несколько часов до возвращения своего еще мужа домой.

Мне до сих пор не верится, что в сумке лежат ключи от моего нового жилья. Однушки, расположившейся неподале-

ку от метро, с вполне сносным ремонтом и хорошей мебелью. Впрочем, сейчас я едва ли могу вспомнить интерьер.

Вернувшись в пока еще нашу с Антоном квартиру, какое-то время я мечусь от стены к стене, но скоро опускаюсь на ковер гостиной и застываю в неудобной позе. Кажется, меня лихорадит, однако оценить свое состояние адекватно никак не выходит: я словно ничего не чувствую. Ни физически, ни психологически.

Я не понимаю, жарко мне или холодно. Голодна я или сыта. Не могу сориентироваться во времени и сфокусировать взгляд на электронных часах. На ноги меня поднимает оглушительный поворот ключа.

Я встречаю Антона в коридоре и рассматриваю его во все глаза, жадно стараясь запастись воспоминаниями впрок. Он бросает на меня недолгий взгляд и ровно улыбается.

— Привет, Вер. — Звучит стандартное приветствие и не менее стандартный вопрос: — У нас есть что-нибудь на ужин?

— Привет, — лепечу я в ответ. — Да, конечно.

— Супер. — Разувшись, Антон оставляет на тумбе в прихожей китель, на ходу расстегивает пуговицы рубашки и закатывает рукава. — Сейчас закину вещи в стирку и поем. Жрать хочу ужасно. Пролил вчера кофе на себя, прикинь? Прямо в кабине. Хорошо, хоть не на приборную панель.

У себя за спиной я обхватываю одну ладонь другой, стараясь унять совсем уж очевидную дрожь и спрашиваю:

— Не обжегся?

— Нет, — Антон смеется, будто не находился вчера в шаге от аварийной ситуации на борту. — Кофе со сливками был. Так что вдвойне повезло.

— Да, — повторяю я заторможенно, — повезло.

Встав в дверном проеме, соединяющем прихожую и гостиную, я наблюдаю за Антоном и медленно, но верно теряю последние капли спокойствия. Думать здраво не получается, мысли спотыкаются и обрываются на полпути, в груди болезненно колотится сердце, а в ушах шумит кровь. Пространство вокруг сужается и будто сдавливает меня со всех сторон, и я так больше не могу.

— Антон! — вырывается у меня.

— Да? — Он и не смотрит в моем направлении, вовсю занятый содержимым чемодана. — Что ты хотела? — Наконец, подхватив гору одежды, видимо, для стирки, он выпрямляется и встречается со мной взглядом.

Я нервно вздыхаю, переступаю с ноги на ногу, не чувствуя под собой пола, и растираю ладони, как учила меня когда-то моя научница, чтобы успокоиться. Конечно, сейчас ничего не оказывает эффекта. Меня трясет, и слова звучат надломлено и глухо, но все же звучат:

— Я... Нам с тобой нужно поговорить.

Глава 9

Антон отстраненно кивает и идет к ванной.

— Только дух переведу, окей? Да и в душ надо.

Однако я не слышу его точно так же, как он сейчас не слышит меня.

— Мне нужен развод. — Очень хотелось бы произнести эту фразу ровным, уверенным голосом, но получается лишь надрывный выкрик.

Прилетев Антону в спину, тот заставляет его остановиться и медленно повернуться ко мне.

— Чего? — спрашивает он грубо, и я морщусь: мне еще не доводилось слышать от него подобный тон и видеть столь неприкрытую злость на лице. — Какой, на хрен, развод?

Его голос не стал громче ни на децибел, но я все равно на секунду зажмуриваюсь, будто сейчас существует действительный риск быть сбитой с ног звуковой волной.

— Обычный, — я прокашливаюсь и, открыв глаза, предпочитаю для созерцания пол и ничего более. Мне страшно смотреть на Антона. — Я хочу подать на развод.

— Да какого... Почему именно сейчас?

Я делаю глубокий вдох, почти обрадованная новым вопросом, как студентка, подготовившая на экзамене лишь один билет из ста и чудом именно его и вытянувшая, и принимаюсь тараторить:

— Мы ведь договорились, что первый год брака — пробный, а потом уже пути назад не будет. Годовщина у нас совсем скоро, а после уже и планирование ребенка. Разводиться позднее было бы совсем сложно. Я не хочу, чтобы мы совершили ошибку, не хочу дальше тратить твое время.

— Время, значит? — уточняет Антон с холодной яростью в интонациях.

— Да, извини.

— А больше ничего сказать не хочешь? Все нормально было. Какая шлея тебе под хвост ударила?

— Это обдуманное решение.

— Меня не было двое суток. Ты за сорок восемь часов приняла это обдуманное решение?

— Ну конечно нет! Я долго размышляла и...

— О, так ты в последние разы и трахалась со мной обдуманно, что ли? Настоящий секс с профессоршей философии!

— Я-я не профессорша!

— Да мне по хрен, Вер, кто ты.

— Я знаю.

Он, конечно, не воспринимает мой ответ как информативный, а зря.

— Вот какого... просто... Ты внятно объяснить можешь? Мы же договаривались все обсуждать. Решать проблемы. Мы для чего, по-твоему, заварили всю эту хренотень с партнерством? Чтобы ты из-за секундной обиды все порушила?

Сама головой подумай. Где ты еще такого дурака найдешь.

— Дурака?

— Вер, ну...

Я поднимаю на Антона взгляд. На его лице отражается досада: все-таки понимает, что ляпнул что-то не то, но сожаления нет. Только досада из-за невовремя сказанных, невыгодных сейчас слов.

Во мне резко и оглушительно вскипает обида, в груди что-то взрывается и бьет в голову, отрезая связь между речевой функцией и сознательностью, и я срываюсь:

— То есть, если я решилась на брак без любви, так все — не котируюсь за привлекательную женщину? А что насчет тебя в таком случае? — Мои вопросы преисполнены язвительности. — Или как обычно в патриархальном мире уже есть оправдание, восхваляющее самца? Что ты там мне плел тогда в кафе? Истерички тебе надоели? И, — я делаю истерично-насмешливую паузу и картинно морщусь, — дай вспомнить... Требовательные «соски» еще там были, да? Джентльмен ты мой. Мистер рациональность. Так вот, — теперь я почти кричу, пусть и шепотом: — Иди к черту. Я не хочу и дальше жить с куском льда под боком, мнящим себя почетным призом для женщин.

— Что за дичь ты сейчас несешь? — спрашивает Антон холодно, выплевывая слова через сжатые зубы.

Мы снова встречаемся взглядами, и на миг я, кажется, успеваю побывать в роли сказочной Герды: мне теперь на-

верняка известно, как больно смотреть в глаза заколдованному Каю.

— Правду, Антон, — отвечаю я устало, но не без язвительности. — Я «несу» правду. Не беспокойся, через полчаса меня здесь не будет. И правды — тоже.

Быть может, ссора выматывает каждого из нас, но остановиться уже не получается. Стоя в разных концах комнаты, мы продолжаем попытки задеть друг друга, вбрасывая в воздух бессмысленные фразы с заведомо наполненным упреками подтекстом.

— Вот уж от тебя не ожидал подобной херни, — заявляет Антон грубо и чертыхается, а после с видом оскорбленной добродетели, решившейся на самоотверженный акт милосердия, уточняет: — Не желаешь успокоиться и поговорить утром?

— Нет. — После сказанного им недавно развод кажется особенно верным выходом из сложившейся ситуации. Для меня так точно. — Я уже все обдумала.

— Ну и дура. — Выплюнутое напряженными губами оскорбление обходится мне новым спазмом боли в области груди. — По хрен, — Антон резко взмахивает руками, словно в порыве желания что-нибудь ударить, но до любой твердой поверхности все равно не меньше метра, и движение остается пустым. — Делай что хочешь. Не ной потом.

— Не буду, — бросаю я в ответ и, развернувшись, иду в спальню, не желая больше ничего слышать. — Можем не

волноваться.

К счастью, за моей спиной не раздаются шаги. В комнате я наконец могу побыть одна.

Дышать становится легче, тело чуть расслабляется, получив шанс выпустить из себя хотя бы часть накопленной боли. Согнувшись, я опираюсь локтями о кровать и головой врезаюсь в упругий матрас. Плечи прижимаются к ушам, заглушая звуки вокруг и мечтая заодно отключить громкость на канале мыслей.

Мне хочется кричать, но я не могу. Не потому что намеренно себя сдерживаю — нет, именно физически не могу. Ни сейчас, когда за стеной Антон, ни наедине с собой.

Рвущийся наружу вопль нарастает внутри, распирает ребра, давит на органы и сосуды, но ему не под силу преодолеть незримый барьер сопротивления. Моя боль сейчас запредельна и нестерпима, и избавиться от нее невозможно. Остается лишь смиренно переждать, когда закончится этот эмоциональный штормор[1].

Отдышавшись, я выпрямляюсь и иду к раздвижному плательному шкафу. Разложив на кровати маленький чемодан, я спешно и бессистемно собираю одежду и другие нужные вещи.

Мне слышно, как Антон чем-то ужасно грохочет на кухне, перемежая звон ударяющихся о столешницу тарелок и кастрюль ругательствами особого порядка — в моем присутствии он подобного себе не позволяет... Не позволял. Его

ярость ощутима сквозь стены и закрытую наглухо дверь, но я стараюсь абстрагироваться, отстраниться от происходящего и к ближе к концу сборов достигаю некоторого успеха. Достаточно, что не заметить появления Антона на пороге спальни.

— Ну и куда ты пойдешь посреди ночи? — интересуется он безразличным тоном, и я, вздрогнув всем телом, на секунду оборачиваюсь и натыкаюсь на его пристальный, гневный взгляд.

— Я сняла квартиру. — Мои руки вновь заняты укладыванием одежды в чемодан, на Антона я больше не смотрю. Он презрительно фыркает.

— Вот как.

— Да, — я киваю, игнорируя насмешку, застегиваю чемодан и хватаю тот за ручку. — Такси уже ждет. Я пойду.

— Так и не снизойдешь до объяснений своего «обдуманного решения»?

— Не считаю нужным. — Я приближаюсь к дверному проему, но Антон не двигается с места.

— А я не считаю нужным разводиться, — сообщает он, игнорируя мои попытки его обойти.

Очевидно, что Антон уже совершенно открыто не дает мне покинуть спальню, заняв собой пространство от одного косяка до другого.

На секунду я закрываю глаза, стараясь вернуть контроль над эмоциями, и пытаюсь дышать глубже и ровнее. Безобраз-

ный скандал маячит на горизонте, подергивая за струны мою нервную систему и поторапливая скорее начать концерт. Однако мне хочется уйти достойно. Не потеряв лица и не утратив достоинства.

— Обсудим формальности позже, — произношу я на рванном выдохе и снова делаю шаг вперед. — Сейчас меня ждет такси.

Антон движется следом, как маятник.

— А я жду объяснений.

— Просто... Дай мне уйти.

— Что, — спрашивает он едко, — уже и стоять рядом со мной не можешь? Быстро тебя перемкнуло.

— Просто. Дай. Мне. Пройти.

— А если не дам?

— Дай мне пройти! — теперь я кричу. — Тебе все по боку, что ты пристал ко мне сейчас? Я много прошу?! — Возможно, я уже плачу, не знаю, не могу понять. — Просто дай мне пройти! — Толкнув Антона то ли в грудь, то ли в живот — не разобрать, — я вылетаю из спальни, с противным скрежетом задевая пластиковым чемоданом дверь.

Я хочу уйти.

Мне необходимо отсюда уйти.

Сию же секунду.

[1] Здесь: фигура высшего пилотажа.

Глава 10

На самом деле я не вызывала никакого такси — не успела.

Из подъезда я выскакиваю с чемоданом наперевес, расхристанная, без шапки и шарфа, в одном пальто и легких кроссовках на босу ногу. За спиной пиши

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.